— Как прошел твой день, дорогая?

В классической комнате в японском стиле, тепло освещенной и скудно обставленной, несмотря на то, что комната принадлежала наследнице выдающегося клана, можно было увидеть две фигуры, которые в данный момент беседовали.

Одна из них была подростком с красивой малиновой гривой, ниспадающей по спине, и в данный момент ее причесывала сидящая за ней женщина.

— Он был… насыщен событиями, мама, — Каэдэ не могла не улыбнуться, вспоминая этот день и то, как много событий произошло сегодня, в которых воспоминания о тех минутах с Харуто доминировали над всеми остальными воспоминаниями.

Несмотря на печаль, которую она испытала после того, как Акира столкнулась с ними, или гнев, который она почувствовала, услышав, что этот ублюдок Симадзу замышляет против Харуто, у Каэдэ была и своя доля счастливых моментов, которые вызвали такую милую улыбку у девушки.

— О боже! Влюбленная девушка – восхитительное зрелище!

Ворковала великолепная женщина лет тридцати с длинными полуночными волосами, уложенными в пучок, с красивым орнаментом, украшающим косу, и с фиалковыми глазами, которые сейчас источали неподдельную радость.

Несмотря на то, что женщина казалась в расцвете красоты, на самом деле она была матерью девятнадцатилетнего мальчика, который приходился Каэдэ родным братом, но не кровным. Матери Каэдэ больше не было с ней после того, как она родила младшую наследницу и единственную дочь в семье. Первый сын и родной брат Каэдэ был старше ее на три года, но у нее не было с ним близких отношений.

Несмотря на то, что мачехой Каэдэ была та женщина, которая сейчас расчесывала ей волосы, Каэдэ никогда не относилась к ней иначе, чем к своей родной матери, и в ответ эта женщина, Амае Асикага, тоже очень любила Каэдэ.

Тогда Каэдэ могла говорить с матерью открыто, не боясь осуждения. Конечно, в некоторых случаях мать ругала Каэдэ, но в остальном она обычно оставалась для рыжей как подруга и выслушивала все подколки Каэдэ.

Естественно, от Амае не укрылось то, что связано с Харуто. Не только сейчас, но и в прошлом, когда Каэдэ переживала трудные времена и Харуто был рядом с ней, она всегда делилась своими историями с матерью.

С точки зрения Амае, Харуто уже стал потенциальным кандидатом в зятья, но между ними

происходили разные события, и теперь казалось, что Харуто уже не тот свободолюбивый человек, у которого не было ограничений, не позволяющих ему вступать в отношения с Каэдэ. Теперь он по какой-то причине служит наследником клана Такахаси, но, к счастью, судя по тому, что Каэдэ говорила о нем во время недавнего общения, он остался таким же, как и раньше.

Амае спросила, не связано ли это с вопросом о каком-то займе, из-за которого Харуто вынужден работать дворецким. Ей хотелось, чтобы это было так, чтобы Амае могла выйти в свет и помочь Харуто, обеспечив ему лучшую и нормальную жизнь старшеклассника. Но из слов Каэдэ следовало, что он подписал контракт с этим домом, да и сам Харуто, похоже, не отказывался там работать.

Амае была в растерянности, как она может помочь бедному мальчику, но Каэдэ сказала ей, чтобы она не волновалась, ведь сама взялась за работу, чтобы освободить Харуто от этих рабских цепей и обеспечить ему ту жизнь, которую он заслуживает.

Между этими попытками, сегодня Каэдэ сделала кое-какие приготовления и пригласила Харуто на танец, запись которого Амае видела. Это было настолько мило и трогательно, что Амае едва сдерживалась, чтобы не завизжать. В конце концов, ей нужно было поддерживать свою репутацию.

— Ты точно не хочешь пойти завтра и поразить Харуто платьем, которое я для тебя приготовила?

Каэдэ покраснела от дразнящего замечания, заставив пожилую женщину слегка хихикнуть, когда она осторожно провела гребнем, чтобы распустить оборки.

При воспоминании о платье, которое ее мать выбрала для Каэдэ, лицо ее быстро нагрелось. Это было западное цельное длинное платье с разрезом сбоку и длиной до бедра. Не говоря уже об открытой груди, которое демонстрировало большое декольте.

Это не было откровенно вульгарным, но Каэдэ определенно не была в восторге от того, что на ней было надето в присутствии других. Да... если бы Харуто был единственным, кто видел...

«О чем, черт возьми, я думаю...»

Придерживая своих лошадей, которые разбушевались с тех пор, как она воссоединилась со своей влюбленностью, Каэдэ ответила матери, пожав плечами.

— Ну, я уже танцевала с Хару-куном, зачем же наряжаться, чтобы на меня глазели эти идиоты? А реакции, которую Хару-кун вызвал у меня сегодня, хватит, чтобы поддерживать мой уровень сахара по крайней мере месяц.

Мелодичный смех Амае эхом разнесся по комнате, и она почувствовала себя счастливой и забавной, видя, как ее дочь получает удовлетворение, просто получив реакцию от своего увлечения. Подростковая любовь – это такое блаженство для человечества.

Но было кое-что, что заставило госпожу вскоре протрезветь: она обняла Каэдэ за плечи и, глядя на дочь через зеркало, спросила немного серьезным тоном.

— Но вопрос в том, дорогая… действительно ли ты довольна таким количеством?

Каэдэ была ошеломлена внезапным вопросом и была вынуждена подумать, действительно ли она просто довольна таким развитием событий. Ну, то, что она теперь может нормально разговаривать с ним и строить дружеские отношения – это уже много, но что будет потом?

Неужели она ничего не предпримет и позволит Акире вот так просто завладеть его сердцем? Каэдэ и так находилась в невыгодном положении, ведь Харуто живет с Акирой, так что поговорить с ним она могла только в академии. Но можно ли продолжать в том же духе и надеяться, что Харуто влюбится в нее?

Ответ был положительным.

Амае подняла брови, увидев уверенную улыбку Каэдэ, а последовавшие за ней слова подтвердили, что ее дочь не собирается отступать в соперничестве.

— Возможно, я не та, в кого Харуто влюбился в прошлом, но я не собираюсь отступать и заставлю его смотреть в мою сторону. Я знаю о Хару-куне больше, чем Акира, и чтобы создать нерушимую связь между нами, я должна сделать это непременно…

http://tl.rulate.ru/book/90641/2948836